

Татьяна Шипошина
feodossan@mail.ru

**Светлый ангел
На тёмной стене
Повесть**

разумно,
всякий
остальные
надеясь,
«Единственный человек который вёл себя
был мой портной. Он снимал с меня мерку
раз, когда видел меня, в то время как
подходили ко мне со старыми мерками,
что я всё ещё им соответствую».
Бернард Шоу

лишь
можешь
«Для целого мира ты можешь быть всего
человеком, но для одного человека ты
быть целым миром!»
Габриэль Гарсия Маркес

ГЛАВА 1

Человек лет шестнадцати-семнадцати подошёл в двери, ведущей в кабинет подросткового врача. Человеку требовалось заполучить несколько свободных дней. Хотя бы один, в крайнем случае.

Уж один-то день можно было «выбить» из «подростковой» врачихи!

Парень немного волновался. Сейчас надо будет врать, делать «страдальческое» лицо, всячески врачиху «обрабатывать» и пр.

Но волновался он в меру. Чего там! В крайнем случае, свобода до вечера ему обеспечена, ведь он явился на приём, как положено.

– Кто последний?

– Мы крайние! – ответила парню смуглая женщина с поджатыми губами. Глазами она показала на девчонку, стоящую у окна в конце коридора. – Мы ещё к окулисту стоим. Если что, мы вот за молодым человеком...

«Молодым человеком» оказался Колька, знакомый из параллельного класса. Парень, или, вернее сказать, паренёк, кивнул Кольке и присел на лавку рядом с ним.

К «подростковому» – всегда очередь. В очереди – народ разный. Больше всего простуженных, всяких кашляющих и сопящих.

Почти все приходят сами, без мам и пап. Но бывают и с родителями. Вот сидит один толстый, с такой же толстой мамашей. Похож! Мамаша держит на коленях толстую карточку. Вцепилась в неё всеми десятью толстыми пальцами. Боится, что болезни растеряет! Переживает, что пойдёт её отпрыск в армию служить, как миленький. Кроссы будет бегать! Автомат разбирать, а не плюшки уплетать.

А вот худой-бледный, прыщавый. С папашей. Одет в костюм. В пиджаке! Сразу понятно, кто перед тобой.

Две девчонки сидят, хихикают. Так, ничего себе девчонки. Одна – точно кашляет. Вторая – сочувствует.

Скучно в очереди сидеть! Если бы не нужда!

«Сидеть часа полтора, не меньше. Сейчас этот жирный будет сто лет торчать в кабинете! С мамашей... Семнадцать лет, а с мамашей ходит. Нет, ну, разные бываю, конечно», – размышлял парень, сидя на низенькой лавке около подросткового кабинета.

Мысли парня плавно переместились от очереди на собственных родителей: «Главное, они не должны узнать, что я сочкую, а то опять разведут бурю в стакане воды. Кричать и вопить. Пугать, что я не поступлю в институт и пойду «в грузчики», «в менеждеры по продажам», а потом – в армию, или ещё Бог знает куда».

Все эти три достойных места в жизни, которые пророчили парню родители, вместе с четвёртым, т. е. «не знаю, куда», представлялись ему не реальностью, а какой-то далеко лежащей сказкой.

Причём, именно «не знаю, куда», или «Бог знает, куда» – находились, как ни странно, ближе всего к реальности.

«Ну, и пойду! Куда угодно! – думал парень. – Свою бы жизнь наладили, а потом уже советы давали. То же мне, воспитатели! Надоело!»

Пока он мысленно перебирал эти привычные размышления, очередь неотвратимо приближалась.

Тут кто-то дотронулся до его плеча. Зажурчал нежный шелестящий голосок:

– Мы идём к окулисту, так что вы сейчас заходите. А мы после вас пойдём...

Парень поднял голову, чтоб посмотреть на обладательницу такого голоса. У него вдруг ощутило застучало сердце.

«Тыг-дык, тыг-дык, тыг-дык...»

Надо же!

Девчонка смотрела на него.

Глаза огромные, пронзительно серо-голубые. На чистом, удивительно белом лице. Парень набрал воздуху в лёгкие.

Пока он соображал, что ответить, девчонка уже подходила к двери в кабинет окулиста.

Тут дверь в подростковый кабинет распахнулась и стукнула о скамейку. Трах! Из двери вывалился Колька, держа в руках справку.

– Заходите! – прозвучало из глубины кабинета.

Ничего не оставалось, как зайти. Застали врасплох, как всегда.

ГЛАВА 2

– Здрассть...

– Проходи, проходи! Что случилось?

Парень лихорадочно начал вспоминать, зачем пришёл, и как приготовился излагать «легенду».

– Я... это...

– Так что болит у тебя?

Врачиха смотрела поверх очков, вроде бы по-доброму. Но эта доброта никого из «постоянных клиентов» обмануть не могла. «Подростковая»

врачиха отличалась строгостью и въедливостью. Никому не давала справок «просто так». Не давала справок, если люди приходили к ней, например, не в начале болезни, а в конце.

– Откуда я знаю, что ты делал целую неделю? – спрашивала она пришедшего.

– Я болел... – лопотал несчастный.

– Возможно. Но, может быть, ты за эту неделю уже смотался в Турцию и обратно, – отвечала эта врачиха.

– Я же не загорел! – находил пришедший доказательство своего отсутствия в Турции.

– А ты, может, в тенёчке сидел! – ехидничала врачиха. – Или в КПЗ, что не раз бывало. Там – тоже солнца нет.

– Какое КПЗ? Я болел! У меня насморк (дасморок!) ещё не прошёл...

– Возможно. Кто тебя лечил?

– Мама... (бабушка, дедушка, сестра, тётя).

– Хорошо. Пусть тогда мама и пишет тебе справку. Или тётя. Тот, кто взял на себя ответственность, и оставил тебя дома на неделю – пусть тот и пишет оправдательный документ.

Далее следовала пауза. И, как правило, вопрос пациента:

– Так что же мне делать?

О, врачиха знала ответ!

– Идти в школу (в колледж, в техникум, в институт, в университет) и оправдываться. И учиться быть взрослым. Чем отличается взрослый от ребёнка, знаешь?

– Не-а.

– Взрослый отвечает за свои поступки. Сам отвечает. А за ребёнка – отвечает взрослый. Вот вам и устроили подростковый кабинет, чтоб вы учились быть взрослыми. Понял? Больничный лист не дадут работнику, если он придёт в поликлинику через неделю после начала болезни. Взрослому – не дадут. Понимаешь?

Находились такие умники, что отвечали:

– Дадут. За взятку.

– Тогда иди, ищи.

– Чего искать?

– Ищи того, кто даёт справки за взятки.

– А...

Логично было спросить, нельзя ли дать взятку самой докторше. Но никто не спрашивал. Наверно, потому, что ответ просвечивался у неё на лбу. Вопрос задавали, но другой:

– А что же мне тогда делать?

К чести врачихи, она в первый раз, а, бывало, и ещё разок, давала справку в подобной ситуации. Но в карточке что-то отмечала, и в третий раз – стояла стеной.

– Фамилию напomini, – продолжила свои вопросы врачиха.

– Разгуляев.

– М-м... Павел?

– Угу.

– Так что тебя сюда привело, Павел Разгуляев?

Итак, человека звали Павел Сергеевич Разгуляев. Через несколько месяцев ему должно будет исполниться семнадцать лет.

Лимит справок «задним числом» по «подростковому» врачебному кабинету он давно исчерпал. Поэтому Павел Разгуляев применял другую тактику «вышибания» справок.

Павел Разгуляев сделал «страдальческое» лицо:

- Живот... Болит...
- Температура была?
- Не мерил. Но знобило и тошнило...
- Ложись на кушетку.

Это тоже предстояло вынести. Докторша мяла живот и так, и эдак.

- Здесь больно? А здесь?

Пётр жалобно стонал.

- Понос был?
- Угу...
- Сколько раз?
- Три.
- А чего сразу не сказал?
- Ну-у...
- Язык покажи. Хватит, хватит... Градусник поставь.

ГЛАВА 3

Врачиха сидела за столом, а Павел Разгуляев располагался на стуле, рядом с ней. Врачиха писала карточку и тихо разговаривала, вроде как – сама с собой:

- Я уже тридцать лет работаю врачом, – говорила врачиха. – Мой жизненный опыт подсказывает, что не такой уж сильный у тебя, Паша, извини, понос. Потому что язык у тебя, как у младенца, чистый и розовый. Вот, например, глаза – зеркало души. А язык – зеркало желудочно-кишечного тракта. Это зеркало отражает прекрасное состояние твоего, Паша, желудочно-кишечного бытия. Температура – абсолютно нормальная.

Павел Разгуляев насторожился. Врачиха продолжала:

- Но в жизни, Паша, всякое бывает. Поэтому свои сомнения, если даже их девяносто пять процентов на сто, я интерпретирую в твою пользу. Смотри, вот тут расписана диета и таблетки, которые ты должен принимать.

Врачиха подвинула в сторону Павла листок, исписанный слабо понятными иероглифами.

- Не читай. Всё равно – не разберёшь, – вздохнула врачиха. – Неси прямо в аптеку. Смотри, если вдруг станет хуже – вызывай «Скорую». Лечишься два дня, на третий – приходишь на контроль. Всё понял?

Врачиха смотрела на Павла Разгуляева поверх очков.

Женщина пожилая, с седыми волосами, собранными в пучок. Похожа на эдакую хрестоматийную бабушку, почти Арину Родионовну. Но глаза её, устремлённые прямо на Павла Разгуляева, смотрели твёрдо и чуть-чуть насмешливо.

- Ну... да... - пробормотал больной.

Павел Разгуляев уже понял, что правильно выбрал, в этот раз, на что жаловаться. В прошлый раз он пытался получить справку, расписывая, как у него (очень, очень сильно) болела голова. Но тогда врачиха померила ему давление и дала справку только на один день.

– И ещё, – проговорила врачиха, когда Павел уже привстал над стулом, чтоб сорваться и пулей лететь из кабинета на волю. – И ещё.

Врачиха вздохнула.

– Сколько живу на свете, не перестаю удивляться.

– Чему? – Павел едва выдавил из себя вопросительную интонацию.

Он догадывался, чему не перестаёт удивляться врачиха. Но ему нужны эти три дня! Просто прогуливать школу уже нельзя – он и лимит прогулов выбрал, и даже перебрал!

– Сколько есть у человека поводов, чтоб не говорить правду. Извини. Может быть, к тебе это и не относится. Однако... В следующий раз, если тебе очень-очень нужны будут три дня – ты уж лучше подойди ко мне, и честно скажи: так мол, и так, Антонина Всеволодовна, мне очень нужны три дня. По такой-то причине. А не вешай мне, извини, на уши лапшу в виде поноса и прочих болей в животе. Этим ты проявишь ко мне гораздо больше уважения.

– Да у меня правда болел живот, – пытался было повторить Павел.

– Ну, и ладно. Лечись. Я сказала, ты услышал. Жду тебя через три дня.

О чём угодно думал Павел Разгуляев, переступая порог «подросткового» врачебного кабинета, но только не о том, что надо проявлять уважение к какой-то врачихе.

Но последние её слова, о «лапше на ушах», как-то царапнули Павла. Он ведь тоже не любил, когда ему пытались навесить лапшу на уши. Врачиха вдруг выпала из декорации со своими очками и седыми волосами, и начала обретать в глазах Паши человеческие очертания. А ведь раньше она являлась для него предметом почти неодушевлённым и практически ничем не отличалась от стола, стула, и прочих, стоящих в кабинете шкафов. Которые требовалось просто обойти, и всё.

Врачиха всё ещё писала.

«Надо же! – посмотрел на врачиху Павел. – Надо же, что за имя-отчество! Антонина Всеволодовна! Ан-то-ни-на Все-во-ло-дов-на... Язык сломаешь! И не поругаешься! Ан-то-ни-на Все-во-ло-дов-на, отстаньте от меня! Пока проговоришь, и ругаться уже неохота!»

Павел представил ещё парочку ругательных слов в сочетании с именем-отчеством врачихи.

«Что за ерунда в голову лезет!» – подумал он.

– А... это... Антонина Все...во...лодовна, я могу идти?

– Ты ещё сидишь? Иди, иди, лечись. До встречи.

– До свидания, – проговорил Павел Разгуляев, находясь уже около двери.

А внутри всё пело: «Ура, ура! Получилось! На три дня! Ура!»

ГЛАВА 4

Пулей вылетал Павел из кабинета. На пороге почти столкнулся с той самой девчонкой, обладательницей серо-синих глаз и шелестящего голоса. Он даже чуть притормозил, но позади девчонки стояла смуглая, мало похожая на девчонку женщина, и выражение её лица не оставляло никаких вариантов для манёвра.

Кроме того, Павла (Пашку) захлёстывала радость обретённой трёхдневной свободы, и он просто пропустил девчонку с женщиной в кабинет.

Закрывая дверь, услышал голос врачихи:

– Анюта! Добрый день!

«Анюта» - отметил про себя Павел и через секунду забыл о врачихе, о «подростковом» кабинете и о сероглазой Анюте.

Теперь – домой, взять всё, что надо, и...

Сестрёнка, Катюха – в школе, родители – на работе. Никто его не хватится. Родители давно уже приучены, что он может прийти поздно. Да они и сами домой не торопятся. Разве что мать, со своим недовольным видом. С таким выражением лица, будто делает всем громаднейшее одолжение, что варит макароны и соображает к ним какие-то котлеты. Чаще всего – недосоленные и пережаренные.

Родители еле-еле существовали вместе. Слово «развод» звучало под крышей их трёхкомнатной квартиры едва ли не чаще, чем слово «здравствуйте».

Уже полгода, как родительская семейная жизнь трещала по швам. Но разорвать последние, связывающие друг друга ниточки, ни мать, ни отец не решались.

Мать кричала, что «терпит всё из-за детей». Отец, в основном, молчал. А Павел научился извлекать выгоду из создавшегося положения. Конечно, выгоду относительную, но всё же...

Например, денег можно попросить и у матери, и у отца. А деньги Павлу – ох, как нужны!

Один баллончик с краской стоит больше ста рублей, а то и больше двухсот. А сколько баллончиков надо, чтоб сделать стену? И не одну?

Павел Разгуляев сначала имел ник «Индеец», полученный им как прозвище, ещё в младших классах. Тогда у него на елке был классный костюм индейца, с головным убором из перьев. Костюм давно погиб на свалке, а прозвище осталось.

Но «индеец» - уж очень длинное слово, поэтому, чтоб как-то остаться в теме, ник* пришлось плавно пере делать в «бизона». Но, к сожалению, бизоны вымерли. Вернее, их истребили. Не очень приятно оставаться чем-то вымершим или истреблённым.

Из «бизона» получился «бриз», или «briz», а потом - «bryz». Лёгкий ветерок, дующий днём – с моря, а ночью – с берега. Нормально!

Пашка немного жалел «индейца», как улетающее детство. Жалел и «бизона», потому, что бизоны вымерли. Но хорошо и так: оставаться лёгким ветерком, который никогда не исчезает и никуда не улетаёт, пока на свете существуют море и суша.

Для тех, кто ещё не понял, надо бы пояснить, что Павел Разгуляев, ник «bryz», уже целый год занимался граффити**. Сейчас он торопился, вместе со своей командой, расписывать стену на складе в районе МКАД а.

Разрешение на роспись стены имелось. Не какой-то тебе бомбинг***, когда бежишь бегом и боишься, что в любой момент тебя могут прогнать, а то и забрать краски.

А могут и в милицию загрести, и штраф припаять. Но это – уж особо удачливым, и особо увлекающимся. Тем, кто не видит и не слышит ничего вокруг.

Пашку много раз гоняли! Было дело, особенно, когда начинал. И на вагонах он с ребятами рисовал, и в вагонах. И на ларьках.

Не много. Пока не записался в школу, и не начал постигать азы настоящего граффити. Сейчас бы он ни за что не стал бы писать какую-то лажу на ларьке!

Нет, Пашка ни разу ни попал в лапы догоняющих. Пашка быстро и хорошо бегал. Между прочим, его отец достиг в юности звания мастера спорта, по бегу на длинные дистанции. В доме до сих пор хранились отцовские юношеские медали.

С детства родители пытались отдать Пашку в какую-нибудь спортивную секцию.

Безрезультатно!

Бегать, прыгать и отжиматься их отпрыску надоедало через месяц. Он начинал «бегать», только не на тренировке, а с тренировок, тем самым «позоря отца», «подводя семью», и пр.

Мать и отец одинаково переживали, что Пашка растёт «каким-то не таким». Ни тебе нормальной учёбы, ни спорта. Плешь они Пашке проели, и тем, и этим. Учёбой и спортом, спортом и учёбой...

Зато хорошая спортивная наследственность пригодилась Пашке, когда, в начале его «карьеры» граффити приходилось убегать «от ментов». Ни разу не поймали!

Потом они с ребятами пробирались к тому месту, откуда их прогоняли, чтоб найти выброшенные впопыхах баллончики с краской и маркеры с губками.

Об этом, естественно он родителям не рассказывал. Это была его жизнь.

Его, и только его.

ГЛАВА 5

Впервые Павел взял в руки баллончик с краской примерно год назад. Вместе с одноклассником Серёгой они купили чёрной краски и отправились искать приключений.

Человек, который царапает гвоздём на стене слово из трёх букв – конечно, не думает, что занимается граффити.

Пашка с Серёгой, мало отличаясь от этого человека – конечно, думали. Правда, Пашка сразу же влез в интернет и посмотрел «как надо» писать. Конечно, ничего у них не получалось, кроме каракулей. Сейчас Пашке стыдно за свои «ранние» художества.

Потом они с Серёгой пришли, всё-таки, в школу граффити. Поучиться шрифтам и всему прочему. Тут их засадили за скечи – за эскизы, которые надо рисовать в альбоме.

Пашке понравилось рисовать эскизы, осваивать шрифты, придумывать фишечки. Ему нравилось подбирать цвета. Ему нравилось, что надпись бывает понятной, понятной не для всех и понятной только для одного человека – её автора. Её «родного отца».

Ещё ему нравилось, что граффити отличается от всего, что окружает его в обычной жизни. Ох, как нравилось, что струя краски их баллончика, долетая до стены, превращается в нечто – в то, чего не существовало раньше.

Ни много, ни мало...

Поэтому Пашка воспринял работу с эскизами – как должное. Более того, как нужное дело.

Сердце его начинало трепыхаться при виде чистого листа бумаги. А уж при виде чистой стены, на которой можно отвести душу, сердце Пашки вообще пело и плясало, если можно так выразиться. Теги* так и летели, сияя всеми цветами радуги.

Стена почти сразу становилась его продолжением, а здоровые баблы** росли на ней, как цветы.

Особенно интересно стало, когда в школе начали изучать «wildstyle»*** - вот уж где можно пофантазировать от души. Не стиль, а сплошная головоломка.

Но Серёга, почему-то, радости от этого не ощущал.

Серёга отвалил через месяц занятий в школе.

- Очень мне это надо! - разумно рассудил он. - Я не собираюсь всю жизнь ползать по стенам и что-то там изображать!

Возможно, Серёга прав. Павел тоже не собирался «ползать» и «изображать». Он вообще не представлял, чем будет заниматься, когда закончит школу.

Пока - ему нравилось рисовать на стенах, и он рисовал.

Скрывать увлечение от родителей удавалось недолго. Надо было платить за школу, покупать бумагу, маркеры, а, главное, баллончики с краской.

Кроме того, в школе всё время твердили, что требуется выработать свой, собственный, узнаваемый стиль. Но сколько времени должно уйти на занятия и упражнения, чтоб этот «собственный стиль» выработать, никто не сказал!

Время шло, деньги уплывали, а стиль...

Ну, так...

Новое увлечение сына не вызывало у родителей ничего, кроме жуткого раздражения.

- Нет, я понимаю, - говорила мать. - Если человек хочет поступить в иняз, он учит языки. Если хочет поступить в технический ВУЗ - учит математику. Если хочет быть гуманитарием - учит стихи, наконец! Книжки читает! Толстого! Достоевского! Пушкина! А ты? Ты «У лукоморья дуб зелёный» знаешь?

- Златая цепь на дубе том, - отвечал Пашка.

- Вот-вот! «Надубетом»! Дуболом ты, и больше ничего! И увлечение себе нашёл... ну, куда ты... со своими баллончиками - и во взрослую жизнь, да?

- Не трожь мои баллончики! - взрывался Пашка. - И вообще - отстань от меня!

- Правильно! Будешь грузчиком, или менеджером по продажам, на соседнем рынке!

- И буду!

- А в дворники тебя не возьмут, потому, что ты, со своими баллончиками, будешь мусорные баки разрисовывать! Народное имущество портить!

- И буду! Между прочим, есть знаменитые художники-граффити!

- Имена-явки-пароли! Что-то в телевизоре не слышно ни о каких граффити-художниках. Только о вандалах, которые портят электрички.

- А в телевизоре вообще о художниках не говорят, - вступался за сына папаша (Или - не вступался. Какая разница!). - Зато говорят о спортсменах!

– Говорят! – не соглашалась мама. – А Зураб Церетели? А Никас Софронов?
– А... – тянул папа. – Придворные живописцы и скульпторы времён поздней бандитской демократии...
– О бандитской демократии рассуждает тот, кто ничего не добился в жизни! – влетала в колею мама.
– А кто это оценивает? – привычно парировал отец.
– Для того, чтобы правильно оценить ситуацию, достаточно посмотреть на нашу квартиру! На нашу машину!

Нельзя сказать, что семья Павла бедствовала. Всё у них имелось, как у всех. Не богачи, конечно, и уж, тем более, не олигархи. Обычный средний класс.

Среднее среднего.

На три с плюсом, по пятибалльной системе. Или на четыре. С минусом. По московским меркам, естественно.

Разговор-скандал родителей катился по привычной колее. Гроза рокотала и летела мимо, оставляя Пашку наедине со своими красками и шрифтами. Пашка мог «отдохнуть», слушать рэп и продолжать дело далее.

Работ Никаса Сафронова он не видел, а к ваяниям Зураба Церетели, которые показывали по телевизору, оставался совершенно равнодушным.

Монумент Петра, который трудно не заметить на Москва-реке, эмоций у бруз-а не вызывал.

ГЛАВА 6

Свобода! Нет слова слаще, нет погоды лучше, когда погода=свободе! Хоть и ветрено, и даже какая-то морось сыплет с неба – всё равно! Йо-хо!

Скоро зарядят дожди, начнёт сыпать снег. Тогда можно будет только любоваться разрисованными стенами из окон электрички. Или вдруг, где-то на серой улице, резко остановившись, увидеть метровые замысловато переплетённые буквы – яркие, вырывающиеся из человеческой повседневности.

Ничего особенного – просто буквы. А попробуй-ка, прочти! Попробуй, отгадай, что скрывается за переплетениями линий и выбухающими кусками форм!

Ты пойдёшь (или проедешь) мимо этих букв. А потом вернёшься, и будешь, как дурак, стоять и разбираться, что же там написано!

Не вернёшься? Нет? Не будешь разбираться?

Ни разу в жизни ты не останавливался и не пытался этот сделать? Нет? Даже не подумал о том, что надо бы остановиться?

Ну, тогда – извини. Тогда, я думаю, ты не остановишься, если судьба вдруг подкинет тебе какую-то свою загадку, или задачку. Так и проедешь-пробежишь дальше... Может, мимо того места, где ждала тебя твоя судьба.

Твоя собственная, единственная и неповторимая, непередаваемая никому судьба.

Отгадка...

Может, тебе гораздо проще увидеть на стене знакомые-перезнакомые, те самые три буквы, и потом ругать полчаса тех ч... удаков, которые их всё ещё рисуют, не смотря на то, что одно поколение неотвратно сменяет другое?

Но ведь эти три буквы – они плохие, да, но они – гораздо понятнее тех каракуль, что оставляют юные графитчики-«бомбисты».

А вдруг «бомбисты» написали своими каракулями: «Люди! Любите друг друга! Люди! Раскройте глаза и посмотрите – рядом с вами живут подобные вам! Они тоже хотят счастья! Они желают быть хоть как-то замеченными! Они так же страдают, как и вы! Они хотят есть и пить, и прочее, и тому подобное! Здесь был Вася, в конце концов! Вася! Был! Здесь!»

Тех, кто пишет «три буквы», в основном, ругают за смысл. А тех, кто рисует граффити, ругают за порчу имущества. За нарушение серости бесхозных стен.

Но, замете, за смысл не ругают. Потому, что смысл, в первую очередь, надо понять. А эти молодцы его зашифровали...

Но, может, для вас не всё потеряно. Однажды вы поедете или пойдёте по делам, и вдруг на мгновение тормознёте... Потому, что где-то на заборе, или на трансформаторной будке, увидите кусок моря с кораблём, или поле с белыми ромашками.

В этой ситуации ничего не надо решать или отгадывать. Надо – просто остановиться. Притормозить. Замедлить бег.

Тогда смысл сам постучится в ваши сердца. На уровне чувства, ощущения. Боже, как далеко от МКАД-а до Третьяковки!

Нет, Павел ни о чём подобном (так конкретно) не задумывался. Он просто что-то испытывал, на уровне чувства и ощущения. Хотелось, и всё.

Часто ли мы раскладываем по полочкам какие-то свои желания? Часто ли задумываемся, откуда эти самые желания приходят и почему исчезают?

А пока Пашка, держа на плече рюкзак с баллончиками, спешил на встречу с таким же, как он сам, фанатом-райтером Саней, тег «сингл». Они встретятся в метро и поедут туда, где ждут их несколько единомышленников и чистая, нетронутая, как необитаемый остров, стена.

Где они будут «вешать именные куски»*, то есть, выводить свои собственные теги, и название своей команды. А оно простое, и даже не очень оригинальное: «виктория» или «victoria», «vica», «vic», «vi»...

Эти слова подскажут каждому из них, что каждый является творцом, а уж все вместе – командой творцов некой иной реальности, пусть и существующей только в двух местах – в душе творящего и на стене.

Но претендующее на отклик в других душах – в душах тех, кто едет мимо на автобусе или троллейбусе, передвигается на электричке или мчит на автомобиле, и в чьих глазах на мгновение мелькнёт слог «vi».

«Vi», или «vita» - между прочим, переводится, как «жизнь». И тут можно порассуждать о том, как перекликаются «виктория» и «вита».

А можно – и не рассуждать.

Павел будет выводить слово «бриз», выдумывая несусветные стрелочки и завитки. Он будет покрывать буквы серо-голубыми